

Е. В. Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

uryson@gmail.com

ОБ ОДНОМ ТИПЕ РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТОЖДЕСТВА (ПЛАТЬЕ И ПЛАТЬЕ, НИЧЕГО ОСОБЕННОГО)*

Основной объект работы — русские тавтологичные предложения, состоящие из двух формально тождественных именных групп в им. п. со словом *и* между ними: ср. *Платье и платье (ничего особенного)*; *Девушка и девушка (совершенно обычная)*. Подобная структура представляет собой фразеосхему, или конструкцию: ее значение не является «простой суммой» значений единиц, входящих в ее состав. В статье демонстрируется, что данную структуру удобно представлять как результат последовательного применения двух трансформаций к некоторой исходной структуре, а именно к хорошо известному типу тавтологичных предложений со связкой *есть*, ср.: *Платье есть платье, Девушка есть девушка*. Первая трансформация состоит во введении в данную исходную структуру частицы *и*, ср.: *Платье и есть платье, Девушка и есть девушка*. В работе на основе подробного описания семантики частицы *и* уясняется вклад этой частицы в значение исходного тавтологичного предложения: частица *и* указывает здесь на то, что данный объект уже упоминался. Вторая трансформация состоит в элиминации из данной структуры связки *есть*, точнее в замене связки *есть* на нулевую связку. Демонстрируется, что применение этого обычного синтаксического правила сопровождается определенной трансформацией значения исходной структуры. В работе сделана попытка описать эту семантическую трансформацию.

Ключевые слова: тавтология, предложения тождества, фразеосхема, конструкция, дейксис, анафора, денотативный статус, нулевая связка, частица *и*.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 19-02-00291А).

Юрию Дерениковичу Апресяну к юбилею

1. Введение

Объект работы — русские предложения, состоящие из двух тождественных именных групп (ИГ) в им. п. с частицей *и* между ними, ср. *Платье и платье (ничего особенного)*; *Девушка и девушка (ничем она не примечательна)*; *Дети и дети (ничем не лучше наших)*. Очевидно, что подобные структуры представляют собой фразеосхемы (по Д. Н. Шмелеву), или конструкции (в терминах грамматики конструкций). Другими словами, подобное высказывание выражает семантику, которая не является «суммой» значений единиц, его составляющих. Цель предлагаемой работы — предложить системное описание данных случаев.

Обсуждаемые именные предложения внешне очень напоминают тавтологичные предложения тождества, в которых тоже повторяется ИГ в им. п., ср. *Война есть война, Война — это война*. Эти тавтологичные предложения тоже представляют собой фразеосхемы (или конструкции): они выражают смысл, который не является «простой суммой» значений единиц, составляющих данную структуру. Действительно, подобные тавтологии должны быть как минимум неинформативными или бессмысленными [Апресян 1995; Шмелев 1973], тем не менее они выражают вполне определенный смысл, причем схема типа «*X есть X*» выражает одну семантику, а схема типа «*X — это X*» — другую [Николина 1984; Шмелев 1973]¹.

Между случаями типа *Платье и платье* и данными тавтологичными предложениями есть принципиальное различие. Специфика предложений типа *Война есть война, Война — это война* состоит единственно в их тавтологичности, т. е. в повторе именной группы; но сама по себе схема предложения «*X есть X*» или «*X — это X*» вполне нормальна. Ср. обычные предложения: *Квадрат есть равносторонний прямоугольник, Волхонка — это улица в Москве, Маша — это моя невестка*. Что касается наших случаев *Платье и платье, Книга и книга* и т. п., то здесь перед нами как будто действительно совершенно уникальный, в каком-то смысле изолированный случай. Продемонстрируем, что это не так. Начнем с синтаксиса.

2. Предложения типа *Платье и платье* с точки зрения синтаксиса

Обратимся к тавтологичным предложениям со связкой *есть*, ср. *Платье есть платье, Начальник есть начальник, Дети есть дети*. Существенно, что эти предложения допускают вставку частицы *и* перед связкой. Ср. *Платье и есть платье, Начальник и есть начальник, Дети и есть дети*². Наше предположение состоит в следующем.

¹ Семантика подобных тавтологичных предложений в других языках впервые была описана А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987].

² Вставка *и* перед связкой иногда является частью более существенной трансформации всего предложения, ср. *Начальник — он и есть начальник, Сыр — он и есть сыр*. Мы сейчас от этого отвлекаемся.

С синтаксической точки зрения обсуждаемая структура (ср. *Платье и платье, Статья и статья*) — это результат элиминирования связки *есть* из структуры типа *Платье и есть платье*. Более точно: связка *есть* в структуре типа *Платье и есть платье* заменяется нулевой связкой. Отсутствие связки *быть* в форме настоящего времени (иначе — выражение ее «нулевой связкой») — хорошо известная черта русского языка. Ср. предложения тождества (идентификации) типа *Этот человек — мой брат, Наш учитель — Петр Иванович*, а также характеризующие предложения типа *Мой брат — учитель*. В подобных случаях отсутствие связки *быть* практически обязательно. Случаи, когда связка не опускается, очень немногочисленны и требуют особого описания. К таким случаям относится структура типа *Платье есть платье*: действительно, элиминирование из такого предложения связки приводит к его аграмматичности, ср. **Платье — платье*. Однако при наличии *и* перед связкой *есть* такая элиминация становится возможной, ср. *Платье и есть платье* → *Платье и платье*.

Подтвердим синтаксическую интерпретацию обсуждаемых тавтологических предложений семантическим анализом.

3. Частица *и* в предложениях типа *Платье и платье*

Начнем с разбора исходных предложений *Платье и есть платье, Начальник и есть начальник, Колбаса и есть колбаса*. Прежде всего уясним, каков вклад слова *и* в семантическую структуру этих предложений. Для этого воспользуемся описанием семантики слова *и*, предложенным в [Урысон 2000; 2005; 2011б]. Слово *и*, как показано в этих работах, многозначно. Ограничимся тем его значением, в котором оно представлено в рассматриваемых предложениях.

Частица *и* в интересующем нас значении представлена в двух типах контекстов:

- (1) *Вот <вон> и озеро.*
- (2) *Этот человек и есть твой отец.*

Частицу *и* в этом значении мы называем «*и* отсылки к упомянутому объекту».

Начнем с контекстов типа (1).

Высказывания вида *Вот <вон> и X* уместны лишь при соблюдении двух условий: а) объект *X* появляется в поле зрения говорящего и адресата, причем говорящий, возможно, указывает на *X*; б) речь об *X*-е уже шла. Произнося высказывание *Вот <вон> и X*, говорящий идентифицирует данный объект, называемый *X*, с уже упоминавшимся объектом³.

Ясно, что ограничения (а) и (б) создаются всем комплексом частиц *вот <вон> и*. При этом данные ограничения являются компонентами семантики этого сочетания. Иными словами, сочетания *вот и* и *вон и* выражают и дейксис (а), и анафору (б). Однако каждая частица в комплексе имеет свое четко очерченное значение.

³ Более точно: референт данной синтаксической группы *X* идентифицируется с референтом одноименной группы *X* из предтекста.

На долю *вот* <вон> приходится дейксис как таковой, ср. высказывания *Вон Петя, а вон Машиа, Вот моя последняя картина* и т. п., в которых выражен только дейксис. На долю частицы *и* приходится анафора. Действительно, при невыполнении условия (б) частица *и* неуместна. Ср.:

(3а) *А вот и наш лучший студент Петя Иванов* (о Пете Иванове уже говорили)
vs.

(3б) *А вот наш лучший студент Петя Иванов* (Петя Иванов, скорее всего, упоминается впервые).

Указывая на тождество данного объекта уже упоминавшемуся, частица *и* сближается с определенным артиклем: она «является оператором определенности, снижая неопределенность имени, характерную для позиции конца русского высказывания: *Вот мальчик* (опред. / неопред.) и *Вот и мальчик* [Birkenmaier 1979]» [Николаева 1985: 11–12]. Все же частица *и* не вполне подобна определенному артиклю: она может указывать на тождество данного объекта какому-то одному из подразумеваемого множества. Ср.:

(4) *Вам следует обратиться к профессору Меркулову. Вот и врач из его отделения* (частица *и* указывает на тождество данного врача одному из врачей, входящих в подразумеваемое множество сотрудников профессора Меркулова).

Ясно, что, несмотря на такую предупомянутость, слово *врач* в приведенном тексте требует неопределенного артикля.

Перейдем к контекстам типа (2), очень характерным для частицы *и* и особенно важным для нашего исследования. Ср.:

(5) *Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта «утаенная любовь» Пушкина* (пример из работы [Падучева 1987]).

Высказывание вида *X и есть Y* уместно лишь в том случае, если, во-первых, референт именной группы *X* тождествен референту именной группы *Y*; и, во-вторых, обе эти ИГ обозначают референты, уже упоминавшиеся в тексте. Действительно, «предложение *Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта «утаенная любовь» Пушкина* (пример из работы [Падучева 1987]) просто не может быть употреблено, если в предшествующем тексте не шла уже речь о Е. А. Карамзиной и некоей женщине, которую тайно любил Пушкин» [Шатуновский 1990: 62].

Тождество референтов *X* и *Y* обозначается здесь связочным глаголом *быть*, который в форме настоящего времени имеет форму *есть* (и не опускается в контексте данной частицы *и*). А на тождество референта *X* некоторому ранее упомянутому объекту (равно как и референта *Y* некоторому другому упоминавшемуся объекту) указывает частица *и*.

Предложения типа (2)–(5) входят в класс предложений тождества, которому посвящена большая литература [см., в частности: Арутюнова 1990; Вайс 1985;

Падучева 1987; Шатуновский 1990]. В двух последних работах подробно исследуются и предложения типа *X и есть Y*. Однако в большинстве исследований рассматривается значение всего этого комплекса. Мы описываем комплекс *X и есть Y* по аналогии с комплексом *Вот <вон> и X* (а также со случаями ниже), т. е. приписываем частице *и* анафорическое значение: именно она указывает на то, что данные объекты уже упоминались в предтексте⁴.

Теперь перейдем к тавтологичным предложениям тождества и выясним специфику конструкции типа *Платье и платье*.

4. Тавтологичные предложения тождества типа *Платье и есть платье, Платье и платье*

Обратимся сначала к предложениям типа *X есть X* без частицы *и*, ср.: *Платье есть платье, Война есть война, Соседи есть соседи, Реклама есть реклама*. Значение этой конструкции было предложено представлять так: «все манифестации X-а, т. е. члены класса $X <...>$ в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506].

На наш взгляд, обе ИГ употреблены здесь в родовом статусе: в высказывании типа *Реклама есть реклама* утверждается, что всякая (любая) реклама относится к классу объектов «реклама». А уже из этого утверждения следует, что «нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506].

Эта интуиция подтверждается языковым материалом: допустимы высказывания *Всякая женщина есть женщина, Любая реклама есть реклама*, но аномальны (или бессмысленны) высказывания *Эта женщина есть женщина, Моя жена есть жена* и т. п.

Теперь выясним, каков вклад частицы *и* в семантику высказывания *Дети и есть дети, Жена и есть жена*.

Прежде всего заметим, что высказывание *Жена есть жена* или *Жена и есть жена* уместно, если уже шла речь о каком-то конкретном объекте из класса X или этот конкретный объект хотя бы подразумевался. Действительно, подобное высказывание обычно «подводит итог» разговору о чьей-то жене.

Обратимся теперь к моделированию речевой деятельности. Общеизвестное предположение состоит в том, что, упоминая конкретный объект, говорящий «держит в уме» представление о классе данных объектов, о его среднем представителе, о прототипе. Следовательно, класс объектов X, если и не упоминался, то, безусловно, имелся в виду. Но тогда частицу *и* в данном контексте естественно интерпретировать как «и отсылки к упомянутому объекту». Иными словами, высказывание типа *Жена и есть жена, Дети и есть дети* вполне аналогично высказыванию

⁴ Роль частицы *и* как специального показателя тождества в предложениях этой структуры отмечена в работе [Аошун Тань 1990]. Правда, в этой работе имеется в виду тождество X-а Y-у, а не тождество каждого из этих объектов уже упоминавшимся.

Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта «утаенная любовь» Пушкина — с той разницей, что во втором примере устанавливается тождество конкретных объектов, которые считались разными, а первый пример устанавливает тождество класса самому себе.

В примерах выше, в высказывании типа *X есть X* обе ИГ употреблены в родовом статусе. Однако эти ИГ могут иметь и конкретно-референтный статус. Ср. пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 506]: *Таня есть Таня, обижаться на нее невозможно* (В. Астафьев). В этом случае в высказывании утверждается, что «все “инстанты” индивида $X <...>$ в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Там же]. Вставка частицы *и* в конструкцию *X есть X* возможна и в этом случае. Ср. *Таня и есть Таня, Петька и есть Петька*. Очевидно, что подобное высказывание уместно, если данный конкретный объект уже упоминался. Следовательно, частица *и* и здесь употреблена в значении «*и* отсылки к упомянутому объекту».

Итак, вставка частицы *и* в тавтологичную конструкцию *X есть X* указывает на то, что класс X уже упоминался или имелся в виду говорящим. Частица *и* подчеркивает здесь отсутствие новизны. Действительно, сама семантика «все манифестации X -а, т. е. члены класса $X <...>$ в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506] представляет собой некую прописную истину, безусловно известную адресату. И при этом еще сообщается, что и объект X уже упоминался, т. е. и он известен адресату.

Перейдем теперь к конструкции X_1 и X_2 , где X_1 тождественен X_2 ; ср. *Платье и платье* и *Дети и дети*. По нашему предположению, эта конструкция является результатом элиминации связки *есть* в конструкции X и *есть X* или, точнее, замены связки *есть* на нулевую связку. Опишем семантические сдвиги, которые сопровождают эту трансформацию.

Высказывания типа X_1 и X_2 , где X_1 тождественен X_2 , ср. *Платье и платье*, *Дети и дети* и т. п., уместно, когда речь идет о конкретном объекте (конкретном платье, конкретных детях и т. п.). Конструкция указывает на то, что данный конкретный объект X_1 не отличается от среднего однотипного объекта X_2 , т. е. от объекта того же класса [Урысон 2011а]. Ср. обычное продолжение подобного контекста:

- (ба) *Реклама и реклама, ничего особенного.*
 (бб) *Дети и дети, ничем не отличаются от наших.*

Тем самым второй компонент этой конструкции (X_2) обозначает среднего «представителя» того же класса, т. е. указывает на класс, в который входит данный объект X_1 . Иными словами, существительное X_1 выступает здесь в конкретно-референтном денотативном статусе, а формально тождественное ему существительное X_2 имеет родовой денотативный статус. Элиминация связки из схемы « X_1 и *есть X₂*», где X_1 тождественен X_2 , приводит к изменению референциального статуса первой именной группы: она становится конкретно-референтной.

В результате конструкция X и X семантически отдалается от исходной конструкции X есть X и сближается с совершенно другой тавтологичной конструкцией: X как X , ср. *Платье как платье (ничего особенного)*, *Девушка как девушка*, *Деревня как деревня* и т. п. Действительно, в конструкции X как X первая ИГ обозначает конкретный объект, о котором идет речь, т. е. выступает в конкретно-референтном денотативном статусе, а вторая ИГ, формально тождественная первой, указывает на класс объектов, однотипных данному, т. е. имеет родовой денотативный статус.

С рассмотренными предложениями сближаются предложения с повторяющимся предикатом, в частности с личным глаголом и той же частицей *и* между ними, ср.: *Опоздал и опоздал (ничего страшного)*; *Не получилось и не получилось (в другой раз получится)*; *У нее нос картошкой! — Ну, картошкой и картошкой (с лица воду не пить)*.

Глагольные предложения типа *Опоздал и опоздал (ничего страшного)*, *Ну, развелся и развелся (есть о чем говорить)* мы предлагаем интерпретировать по аналогии с именными предложениями типа *Платье и платье*. Глагольное предложение данного типа указывает на то, что конкретная ситуация (например, ‘некто опоздал’) относится к классу ситуаций (‘опоздать’) и является обычным ее элементом, причем сам класс данных ситуаций тоже не представляет собой ничего отклоняющегося от среднего.

5. Заключение

Конструкция вида X_1 и X_2 , где X_1 и X_2 выражены одинаковыми именными группами (ср. *Доклад и доклад*, *Платье и платье*, *Соседи и соседи*), указывает на то, что данный конкретный объект X не отличается от среднего однотипного объекта того же класса. Эта структура близка по смыслу другому русскому тавтологичному предложению тождества: X_1 есть X_2 (где X_1 и X_2 тождественны), ср. *Платье есть платье*, *Соседи есть соседи*.

С синтаксической точки зрения конструкцию X и X можно рассматривать как результат трансформации структуры X есть X . Эта трансформация состоит из двух этапов, вполне стандартных для русского языка.

Первый этап представляет собой введение в данную структуру частицы *и*: *Платье есть платье* → *Платье и есть платье*. В статье показано, что частица *и* представлена здесь в значении «*и* отсылки к упомянутому объекту».

Второй этап данной трансформации — это элиминирование из схемы X и *есть* X связки *есть*. Ср. *Платье и есть платье* → *Платье и платье*. Однако применение этого обычного для русского языка правила в данном случае влечет за собой неожиданное следствие: первая именная группа меняет свой референциальный статус — она становится конкретно-референтной. В результате данная конструкция синонимична тавтологичной конструкции с союзом *как*, ср. *Платье как платье*, *Фильм как фильм*, *Улица как улица*.

Обратим внимание на то, что в предложениях типа *Платье есть платье* наличие связки *есть* обязательно: элиминирование ее приводит к аграмматичному

результату, ср. **Платье* — *платье*. В русском языке такие случаи являются редкостью. Но конструкция типа *Платье и платье* представляет собой еще большую редкость: в ней парадоксальным образом не опускается словечко *и*. Это — яркая особенность данной структуры. Действительно, с синтаксической точки зрения частица *и* в русском языке не бывает обязательной (что касается союза *и*, то он обязателен в случае, если с его помощью оформляется множественный актант симметричного предиката, ср. *Петя и Маша поженились* при невозможности **Петя, Маша поженились* [Урысон 2000; 2011б]).

Конструкция *X и X* представляет собой образец взаимодействия разных типов правил (преобразований). С одной стороны, эта конструкция интерпретируется как результат применения вполне обычных синтаксических преобразований к исходной структуре *X есть X*. С другой стороны, применение этих правил влечет за собой изменение денотативного статуса именных групп в ее составе. С учетом этих правил системным образом описывается и тонкая семантика этой конструкции, равно как и конструкции *X и есть X*.

Литература

Аошунан Тань. Предложение тождества и акт отождествления (на материале китайского языка) // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 69–83.

Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. : в 2 т. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 1995. С. 598–621.

Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 7–32.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Парадоксы идентификации // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки славянских культур, 1997. С. 497–514.

Вайс Д. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15 : Современная зарубежная русистика / отв. ред. Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик. М. : Прогресс, 1985. С. 434–463.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. М. : Наука, 1985. 170 с.

Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка / под ред. В. В. Бабайцевой. М. : МГПИ, 1984. С. 38–46.

Падучева Е. В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Наука, 1987. С. 152–164.

Урысон Е. В. Русский союз и частица *И*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 95–114.

Урысон Е. В. Материалы к описанию русского слова *И* // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Языки славянских культур, 2005. С. 374–390.

Урысон Е. В. *НОРМА, ОБРАЗЕЦ, ЭТАЛОН, СТАНДАРТ, ШАБЛОН*: заметки о полисемии // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2011а. С. 347–356.

Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : Языки славянских культур, 2011б. 336 с.

Шатуновский И. Б. Тождество и его виды // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 52–68.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973. 280 с.

Birkenmaier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. Studien zur nominalen Determination im Russischen. München : W. Fink. 1979. 159 S.

Wierzbicka A. Boys Will Be Boys: Radical Semantics vs. Radical Pragmatics // Language. 1987. Vol. 63. № 1. P. 95–114.

E. V. Uryson

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
uryson@gmail.com*

**RUSSIAN TAUTOLOGICAL SENTENCES OF THE *NOUN GROUP I*
AND *NOUN GROUP* TYPE (*PLATJE I PLATJE, NICHEGO OSOBENNOGO*
'A DRESS LIKE ANY OTHER DRESS, NOTHING SPECIAL')**

The object of this paper is Russian tautological sentences consisting of two identical noun groups with the particle *i* 'and' between them (*NP i NP*), cf. *Platje i platje (nichego osobennogo)*, lit. 'A dress like any other dress (nothing special),' *Devuska i devushka (sovershenno obychnaja)* 'A girl like any other girl (completely ordinary).' It is obvious that the meaning of this type of sentence is not a "sum" of the meanings of its constituents, a pattern such as this exemplifies a Russian construction that is a sort of a phraseological unit. I demonstrate that this construction is a result of consecutive application of two well-known rules (or transformations) to a well-known Russian tautological identity proposals *NP est* 'is' *NP*, cf. *Mal'chiki est mal'chiki* 'Boys will be boys,' lit. 'Boys are boys;' *Platje est platje*, lit. 'Dress is dress;' *Devushka est devushka*, lit. 'Girl is girl.' In the first step of the transformation the particle *i* is inserted ahead of *est* 'is,' cf. *Mal'chiki*

i est' mal'chiki; Platje i est' platje; Devushka i est' devushka. I show that *i* in such contexts denotes that the given object has been mentioned in previous context. In the second step, the copular verb *est'* is omitted. Certain semantic shifts accompany the application of the last rule. These shifts are described in the paper.

Key words: tautological sentence, identity sentence, construction, deixis, anaphora, denotative status, zero copula, particle *i* 'and'.

Acknowledgements

The research has been partly supported by RFBR project № 19-02-00291A “Work on the 4th volume of *Active Dictionary of the Russian Language*”.

References

Aoshuan Tan'. [Sentences of Identification and the Act of Identification (Based on Chinese)]. *Logicheskii analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya* [Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Inst. Of Linguistics of the RAS Publ., 1990, pp. 69–83. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Abnormal Utterances and Logical Contradiction]. Apresyan Yu.D. *Izbr. tr.: v 2 t. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2: The Integrated Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1995, pp. 598–621. (In Russ.)

Arutyunova N. D. [Identity and Similarity (Notes on the Interaction of Concepts)]. *Logicheskii analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya* [Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Inst. Of Linguistics of the RAS Publ., 1990, pp. 7–32. (In Russ.)

Birkenmaier W. *Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. Studien zur nominalen Determination im Russischen*. München, W. Fink Publ., 1979, 159 S.

Bulygina T.V., Shmelev A.D. [Paradoxes of Identification]. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1997, pp. 497–514. (In Russ.)

Nikolaeva T.M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii: na materiale slavyanskikh yazykov* [Functions of Particles in Utterances (Based on Slavic Languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 170 p.

Nikolina N.A. [Peculiarities of Semantic Structures of Sentences *Zhizn' est' zhizn'* ‘Life is life’]. *Predlozhenie kak mnogoaspektnaya edinitsa yazyka* [The Sentence as a Multi-Aspect Language Unit]. V. V. Babaitseva (Ed.). Moscow, Moscow St. Pedagogical Inst. Publ., 1984, pp. 38–46. (In Russ.)

Paducheva E. V. [The Semantics and Communicative Structure of Identity Proposals]. *Yazyk i logicheskaya teoriya* [Language and the Theory of Logic]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 152–164. (In Russ.)

Shatunovskii I. B. [Identity and its Types]. *Logicheskii analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya* [Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Inst. Of Linguistics of the RAS Publ., 1990, pp. 52–68. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of Semantic Analysis of Lexis (Based on the Material of the Russian Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p.

Uryson E. V. [The Semantic Structure of the Russian Conjunction and Particle *i* ‘and’]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2000, No. 3, pp. 95–114. (In Russ.)

Uryson E. V. [Materials for the Description of the Russian Word *i* ‘and’]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi* [Language. Personality. Text. A Collection of Articles for the 70th Anniversary of T. M. Nikolaeva]. V. N. Toporov (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, pp. 374–390. (In Russ.)

Uryson E. V. [Russian words *NORMA* ‘Norm,’ *OBRASEC* ‘Pattern,’ *ETALON* ‘Standard,’ *STANDART* ‘Standard,’ *SHABLON* ‘Template:’ Notes on Polysemy]. *Slovo i yazyk: sb. st. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresyana* [The Word and the Language: A Collection of Articles for the 80th Anniversary of Y. D. Apresian]. I. M. Boguslavskii, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011a, pp. 347–356. (In Russ.)

Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Lingvisticheskie dannye o deyatel'nosti soznaniya* [Experience in Describing Semantic Conjunctions. Linguistic Data on the Activity of Consciousness]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011b, 336 p.

Weiss D. [Sentences of Identification in Russian: an Attempt to Distinguish these Sentences and Other Types of Sentences]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 15: Sovremennaya zarubezhnaya rusistika* [New Works in Foreign Linguistics. Iss. 15: Modern Russian Studies Abroad]. T. V. Bulygina, A. E. Kibrik (Eds.). Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 434–463. (In Russ.)

Wierzbicka A. Boys Will Be Boys: Radical Semantics vs. Radical Pragmatics. *Language*, 1987, Vol. 63, No. 1, pp. 95–114.